

УДК 1.13.130.3.130.31

ИНДИВИДУАЛИЗМ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

© Галина Николаевна Кулагина

Казанский университет культуры и искусства, г. Казань, Россия, кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента, туризма и гостиничного хозяйства, e-mail: logical@yandex.ru

Статья посвящена проблемам индивидуализма начала XX в. В статье подчеркивается нелинейность понятия «индивидуализм». Рассматриваются различные модели отношения к индивидуализму в начале XX в., подчеркивается, что истоки постмодернистского индивидуализма восходят в начало XX в.

Ключевые слова: индивидуализм; соборность; эгоизм.

Цель данной статьи – рассмотреть различные модели отношения к индивидуализму в начале XX в., доказать, что истоки постмодернистского индивидуализма лежат в начале XX в.

Понятие индивидуализма слишком многомерно. Индивидуализм – ценностная ориентация личности, способ бытия в мире. Это мировоззренческая позиция субъекта, свободно выбирающего стиль жизни, поведения, общения, критически мыслящего, умеющего принимать решения и нести ответственность за них, постоянно расширяющего свое приватное пространство в ситуации риска. Можно определить индивидуализм как процесс самоконструирования личности, обретение неповторимости и свободы. Именно свобода способствует духовному раскрепощению

личности и возможности жить в соответствии со своими представлениями о ценностях, предполагает открытость выбора. В отсутствии свободы человек не может нести ответственности за свои поступки. Чувство ответственности включает в себя многое: интеллект, строгую мораль, профессионализм, волю, благородство, достоинство, честность. Индивидуализм связан с совестью. Борьба за индивидуализм – отстаивание права на различие.

Противоречия индивидуализма проявляются в том, что, с одной стороны, человек свободен, независим, открыт выбору, с другой стороны, крайняя замкнутость человека, как отмечает Н. Элиас, его чувство фундаментального одиночества и заброшенности

делают невозможным подлинное сочувствие другим людям [1].

Отрицательное отношение к индивидуализму имеет большую традицию. В русском языке есть поговорки: «Доброе братство милее богатства», «Один в поле не воин», «В согласном стаде волк не страшен». Многие критики полагают, что индивидуализм способствует возникновению эгоизма и деструктивных явлений в обществе, препятствует развитию солидарности. Чувство социальной солидарности не может иметь место в обществе индивидуализма. Соперничество, конкуренция – также результат индивидуализма. Крайний индивидуализм, индивидуализм в его экстремальных формах может привести к таким формам социальной патологии, как высокий уровень преступлений, суицида, разводов, эмоциональных стрессов, психических болезней, как считают некоторые исследователи [2].

Индивидуализм не тождественен эгоизму, смысл которого заключается в том, что человек во всех своих действиях ориентируется только на самого себя, воспринимает мир с точки зрения лишь личных интересов. Поэтому эгоизм часто становится источником разрушения и распада личности. М.М. Пришвин подчеркивал, что эгоизм – тюрьма для человека, и личность может освободиться от плена только любовью к другой личности [3].

В начале XX в. индивидуализм нашел свое отражение в физике (теория относительности А. Эйнштейна), в открытии бессознательного (З. Фрейд), в исторических науках (концепции О. Шпенглера и А. Тойнби). Часто литература и искусство становились областью реализации крайнего индивидуализма. Художники стремились изобразить на своих полотнах переживания, которые абсолютно субъективны и абсолютно индивидуальны. Например, В. Кандинский создал абстрактную акварель, отказавшись от изображения реальности и обосновав свой выбор тем, что «чем страшнее становится этот мир, тем более абстрактным становится искусство». Норвежец Эдвард Мунк (1863–1944) становится выразителем того самого экзистенциального пессимизма, пронизанного отголосками А. Шопенгауэра, философией Ф. Ницше, используя подчеркнута экспрессивные выразительные средства. Для этого художника характерно отращивание к услов-

ной морали, предрассудкам. Он хочет сказать своими картинами нечто важное на главные темы: о жизни, любви, смерти. Его картины называются «Одиночество», «Крик», «Тревога» и т. д.

П. Пикассо в «Голубой период» творчества (1901–1904 гг.) описывает человечество как потерявшее надежду, состоящее из побежденных, одиноких существ, утративших волю к жизни.

В музыке индивидуализм проявился особенно ярко в произведениях Р. Вагнера. Философия Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, М. Штирнера способствовала развитию индивидуализма. Для них единичная человеческая личность – единственная реальность в мире.

В Серебряный век в России произошел слом эпох, мировоззрений, культур. Идеи свободы, идеология индивидуализма нашли отражение в произведениях писателей. Как понимали индивидуализм русские философы и писатели? Исследователь Янтарева-Валеншина выделяет два вида индивидуализма: просветительский и романтический. В России в начале XX в. преобладал, с ее точки зрения, романтический индивидуализм.

Индивидуализм имел свои особенности в России в начале XX в. Можно выделить несколько моделей отношения к индивидуализму: отношение исследователей, стоящих на религиозных позициях, на либеральных, народнических, социал-демократических, промежуточных. Но и среди представителей, стоящих на религиозных, либеральных позициях, не было единства. Рассмотрим взгляды П. Струве и Н. Бердяева. На рубеже веков эти философы тяготели к либерализму.

П.Б. Струве отстаивал идею духовной автономии личности. С его точки зрения, «метафизически-этический индивидуализм сводится к признанию множественности самостоятельных духовных субстанций» [4].

Позиция П.Б. Струве – это этический абсолютизм и этический антропоцентризм. Границы между «Я» и «Ты» для П.Б. Струве нерушимы. Он подчеркивает единственность «Я». Другие для него являются отражением моего «Я». П.Б. Струве полемизирует с Н.А. Бердяевым по вопросам этики. Для Н. Бердяева этический индивидуализм тождественен этическому универсализму. «Личность, «я», индивидуальность, с этической

точки зрения – все, но именно потому, что в ней мы мыслим универсальное духовное содержание. <...> Человек осуществляет свое духовное «я», только выходя из узкой сферы индивидуальных переживаний в собственном смысле этого слова и вступая на широкую арену мировой жизни», – пишет Н. Бердяев [5]. Личность у Бердяева – выразитель универсальных принципов, носитель нравственного закона, а отношение человека к человеку у него этически производно из отношения человека к самому себе.

В начале XX в. возник спор об индивидуализме. На страницах журнала «Золотое Руно» А. Бенуа поместил статью «Художественные ереси» с критикой индивидуализма. Автор обвиняет индивидуализм в том, что он отвлекает творчество от свободы и света. «Под свободой я подразумеваю, – пишет А. Бенуа, – мистическое начало вдохновения, т. е. «свободное подчинение» верховному сверхчеловеческому началу. Под светом же я подразумеваю все, что составляет смысл и прелесть творчества...» [6]. А. Бенуа называет индивидуализм ересью. «Действуя безумием бесовской гордыни, он заставляет людей сторониться друг от друга и напрягать все усилия на то, чтобы выразить каждое отдельное «я», отрешенное от «всего постороннего» едва ли величина ценная [6, с. 86]. Строго проведенный индивидуализм Бенуа называет абсурдом, ведущий не к развитию личности, а к ее одичанию. Разрушительное начало атомизма способствует разрушению всей системы, ведет к смерти, мраку и хаосу. Какой рецепт спасения предлагает художник? Он предлагает обратиться к Богу, к Аполлону. «У нас остается один абсолют, одно безусловно божественное откровение – это красота. Она должна вывести человечество к свету <...> Красота намекает на какие-то связи «всего со всем», и она обещает, что будет дана разгадка всем противоречиям до сих пор бывших откровений <...> Я твердо уповаю на мистическую силу откровения красоты, я знаю, что это откровение может явиться лишь в церкви» [6, с. 88].

Статья А. Бенуа категорична, потому не случайно сразу же появились критические замечания. М. Кириенко-Волошин пишет статью «Индивидуализм в искусстве». Автор не согласен ни с постановкой вопроса об индивидуализме (индивидуализм или тради-

ция), ни с предлагаемым рецептом спасения: «...выход из современного положения – в трагической хоровой общине, о которой говорит Иванов в «Предчувствиях и предвестиях». С точки зрения М. Волошина «индивидуализм возникает из чувства самосохранения, но только тогда он достигнет крайней точки своего развития, когда добровольным отказом от себя находит свое высшее самоутверждение» [7].

Также критикует А. Бенуа и А. Шервашидзе. Он защищает индивидуализм, который связывает принцип обновления, сохранение личности, для него индивидуализм – неотъемлемое качество гения. Всю историю искусства он видит в борьбе индивидуализма с нетерпимым консерватизмом коллективизма [8].

В России большую дискуссию вызвал доклад А. Блока «Крушение гуманизма» в издательстве «Всемирная литература» (1919 г.). А. Блок понимал гуманизм как «мощное движение» культуры, которое идет от эпохи Возрождения, возрастая и развиваясь на идее и идеале индивидуалистического человека. Пока эта свободная личность оставалась «главным двигателем европейской культуры», она создавала культуру, проникнутую «духом музыки». Народ, по Блоку, был естественно отлучен от гуманистического культурного движения, «индивидуалистического по существу», выражая «свои стремления на диком и непонятном для гуманистов языке – на варварском языке бунтов и кровавых расправ». Но как только на арену истории выходят народные массы, начинается кризис гуманизма [9].

Н. Бердяев также констатирует кризис гуманизма, перерождение гуманизма в антигуманизм, переход свободы в принуждение [10].

«Россия была больна, – писал А. Блок, – ...все чувства нашей родины превратились в сплошной, безобразный крик, похожий на крик умирающего от мучительной болезни» [11].

В начале XX в. в России существовала и литературно-художественная парадигма истолкования индивидуализма. Большой популярностью в России пользовалась философия Ф. Ницше. В его философии русских писателей привлекал протест против неустройства жизни, надежда на перемены. Борьба за ин-

дивидуализм для многих писателей становится борьбой за сильную, гордую, независимую личность.

В произведениях писателей начала XX в. можно проследить появление истоков постмодернистского индивидуализма. Это нашло отражение в отрицании устоев общества, разрушении традиционных форм, в привязанности к смерти Бога. Чем явилась утрата Бога для человечества? Эта проблема до сих пор волнует человечество. Н.О. Браун полагает, что, исключив бога из системы научного постижения вселенной, человечество столкнулось с малопривлекательными дионисийскими проявлениями собственной природы [12].

Идею «смерти бога» необходимо осмыслить с точки зрения общей взаимосвязи событий, исторически. Идея «смерти бога» в России привела к уничтожению человека, размыванию нравственных ценностей, к культивированию идей насилия и т. д. Русские философы и писатели начала XX в. в своих произведениях отразили процесс дегуманизации общества, видение мира как хаоса. Мир приобретает черты коллективного безумия, а человечество утрачивает смысл жизни.

Главным теоретиком, провозгласившим смерть Бога, был Ницше. Он утверждал, что европейская культура движется к катастрофе. Тема катастрофы, террора, образ руин нашли отражение в литературе и произведениях художников.

О том, что катастрофа близка, оповестил современников Л. Андреев.

В рассказах «Стена», «Красный смех», «Так было» он стремится к высокой степени выразительности. Вячеслав Иванов назвал «Красный смех» экстатическим произведением, при чтении которого нельзя не почувствовать «неподдельного крика ужаснувшейся и иступленной души, не ощутить себя вовлеченным в вихрь безумного кошмара» [11]. В индивидуализме Л. Андреев видит истоки Первой Мировой войны, именно он чреват гордыней, верой в собственную безнаказанность. Трагическое сознание оказывается за пределами гуманизма, что приводит к разрушению всей системы ценностей, к обесмысливанию, к состоянию катастрофы. По наблюдению современников, «как ветхозаветный пророк», грозящий всякими ужасами, стоит Андреев «У окна», наблюдая, как раз-

вертывается перед ним черная «Бездна», откуда раздается гулкое «Молчание», он видит только «Тьму» и глядит «В темную даль» и слышит «Смех» [11].

У Андреева мы находим мотив разрушения в целом ряде его произведений («Набат», «Так было» и т. д.). В рассказе «Набат» автор воспользовался символом пожара и набата для изображения этих настроений. «Горит! Все горит! Гибнет все, погибает культура!».

Л. Андреев писал в 1908 г. Г. Берштейну: «Еврейские погромы и голод; парламент и казни; грабежи и величайшее геройство; «черная сотня» и Лев Толстой, – какое смешение лиц и понятий, какой обильный источник для всяческих недоразумений. Правда испуганно молчит, и громко кричит ее наглая ложь, вызывая неотвязные и мучительные вопросы: кому сочувствовать? кому верить? кого любить?» [13].

«Люди не знают, что будет завтра, всего ждут – и все можно, – писал Л. Андреев М. Горькому в 1902 г. – Мера ваша утеряна. Анархия в самом воздухе» [14].

Л. Андреев изображает безумие как общественный феномен, универсальное состояние мира. «Явное безумие мира так велико, что не могу найти для него равновеликих слов» [15].

Символом безумия служит повешенный на фонаре («Так было»): «Его вытянутых ног, жадно стремящихся к земле, касались головы танцующих, и от этого казалось, что он и есть главный дирижер, управляющий танцами» [16]. Этот повешенный символизирует, что жизнь человека, его достоинство не имеют никакой цены в общем мелькающем круговороте.

В рассказе присутствует образ танцующей толпы, опьяненной от дикой радости и вседозволенности. Она похожа на огромного, взерошенного зверя, на «что-то черное, слитно-раздельное, то крутящееся, как водоворот». Стадное чувство повелевает толпой. Индивидуальность, одухотворенность, ответственность, совесть забыты людьми. Толпа подчинила себя разгулу темных зловещих инстинктов.

Проявлением индивидуализма в России в начале XX в. было также стремление писателей, философов, художников изображать в своих произведениях Сатану, которого они часто отождествляли с Прометеем, Ницше-

анским сверхчеловеком. Этот образ приобрел особую популярность. Он стал символом бунта против несправедливости, святым мучеником, героем, бунтарем во имя прогресса, свободы. Сатана – это воплощение гордыни, бунтарства, индивидуализма. Деятели русской культуры сделали Сатану символом добра, христианского Бога – символом зла.

Демоническое начало существует не только в истории, но и в душе человека. Мир чудовищного становится миром имманентным, и он присутствует в самом человеке. Рождается новое восприятие человека. Человек подвергается демонизации. Он становится бес-человечным, отпавшим от своей сущности, падшим (ср. Демон – падший ангел). Отрицание человеческого ведет к деструкции, безответственности, к обезличиванию. Демоническое начало проявляется в неустойчивости, в бесформенности, в отрицании и уничтожении всего человеческого. Л. Андреев в статье «Европа в опасности» пишет о дьяволе, живущем в людях, как о великом мастере лжи и обмана, как знаменитом комедианте, устройтеле беспримерных исторических маскарадов, где его любимой маской является костюм святого [17].

Еще одна сторона того же недуга – потеря человеком себя не только в мире демонов, но и потеря, потерянная вообще, «бездомность». Мир отчизны оборачивается беспочвенностью. Вывод писателя: нет онтологической безопасности в неизлечимо оскверненном мире. У Л. Андреева происходит отождествление мира безумия и демонического начала. Человек Л. Андреева теряет свое место в мире, теряет связь с Другими. В произведении «Черные маски» человек обезображивается до уровня уродливой рожи, шаржа, животного, привидения. Он кажется отталкивающим, отвратительным, гротескным, непристойным. Его действия приобретают не подлинный, демонический характер. Если в прошлые века художники так гротескно, карикатурно изображали Антихриста, то Л. Андреев так изображает самого человека, тем самым происходит «секуляризация ада» – процесс весьма злоедейский. Причина такого уродливого изображения человека, по мнению Л. Андреева, является «сомнение» в человеке и отчаяние человека относительно его сущности и его красоты. Демонизм также

рассматривается писателем как форма трагически переживаемого индивидуализма.

Русские писатели начала XX в. часто обращались к теме одиночества, что также является проявлением индивидуализма. Человек глубоко переживает свое одиночество, он живет в чуждом ему мире, его жизнь абсурдна. Человек стремится найти смысл жизни и сталкиваются с «объективной» ее бессмыслицей. В философии Шестова, как и в философии Кьеркегора, одиночество утверждается как неотъемлемый субстрат бытия. Писатели, как правило, формируют модель взаимоотношения человека и мира, в которой человек, по словам Кьеркегора, становится одиноким «путником», покинувшим пределы «всеобщего». Путь человека рассматривается сквозь призму «странничества» одинокого, «заброшенного» в мире человека.

Изображение восприятия смерти Другого как зрелища в начале XX в. также свидетельствует о проявлении индивидуалистических тенденций в обществе, а также свидетельствуют о том, что сочувствие, сопереживание, восприятие Другого как ценности в обществе утрачено.

Часто герои писателей ведут духовные поиски ради внутреннего преображения. Л. Андреев в «Рассказе о Сергее Петровиче» изображает яркого индивидуалиста, который увлекся учением о сверхчеловеке Ф. Ницше. Герой с презрением относится к Другим, к своим товарищам, потому что они не озабочены такими глубокими исканиями, как он. Л. Андреев отмечает, что его герой не любит людей. «Я не хочу быть немой материалом для счастья других. Я сам хочу быть счастливым, сильным и свободным, и имею на это право», – рассуждает Сергей Петрович [18]. Трагические искания героя заканчиваются смертью. Он понял, что никогда не сможет стать сверхчеловеком, сильным, свободным. «Он видел человека, который назывался Сергеем Петровичем и для которого закрыто все, что делает жизнь счастливою или горькою, но глубокой, человеческой. Религия и мораль, наука и искусство существовали не для него. Вместо горячей и деятельной веры, той, что двигает горами, он ощущал в себе безобразный комок, в котором «привычка к обрядности переплеталась с дешевыми суевериями» [18, с. 69]. Как раб, «он восстал против обезличивающей действительности», в

самоубийстве он видел героический выход, в смерти он хотел найти свободу. Смерть стала для него формой самовыражения. В этом произведении отразились противоречия самого автора: неприятие существующих устоев жизни и в то же время неспособность к новому видению мира.

Таким образом, индивидуализм в начале XX в. имел свои особенности. Исследователи неоднозначно понимали индивидуализм. Одни авторы противопоставляли индивидуализму соборность, другие – коллективизм. Понятие «индивидуализм» многомерно и противоречиво. Индивидуализм – это мировоззренческая позиция, ценностная ориентация личности, способ бытия в мире. Подходы исследователей к этому понятию неоднозначны: от положительных трактовок до отрицательных.

Индивидуализм связан с трансформацией личности и общества. Индивидуализм акцентирует различия в культурных практиках, способствует разграничению общества, препятствует ассимиляции.

1. Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. М., 2001. С. 182.
2. Juri Allek. Individualism-Collectivism and social capital // Journal of cross-cultural psychology. URL: <http://jcc.sagepub.com> (дата обращения: 03.12.2009).
3. Подоксенов А.М. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М.М. Пришвина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2008. С. 23.

4. Струве П.Б. Предисловие // Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М., 1997. С. 374.
5. Бердяев Н. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма: сборник статей. М., 2002. С. 368-369.
6. Бенуа А. Художественные ереси // Золотое Руно. 1906. № 2. С. 81.
7. Кириенко-Волошин М. Индивидуализм в искусстве // Золотое Руно. 1906. № 10. С. 72.
8. Шервашидзе А. Индивидуализм и традиция // Золотое Руно. 1906. № 6. С. 68.
9. Блок А.А. Искусство и революция / сост. и примеч. Л. Асанова. М., 1979. С. 384.
10. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 417.
11. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / сост. В.Н. Терехина. М., 2005. С. 6.
12. Браун Н. Дионис в 1990 году // Иностранная литература. 1995. № 1. С. 236.
13. «...о семи из тысяч повешенных». Переписка Леонида Андреева и Германа Берштейна / публ. В. Александрова // Родина. 1993. № 12. С. 44.
14. Горький М., Андреев Л.Н. Неизданная переписка / ред. И. Зильберштейн. М., 1965. С. 139.
15. Андреев Л. S.O.S. СПб.; М., 1994. С. 173.
16. Андреев Л. Повести и рассказы. Кишинев, 1989. С. 343.
17. Андреев Л. SOS: Дневник (1914–1919); Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступ. Ст.Р. Дэвиса, Б. Хеллиана. М.; СПб., 1999. С. 365.
18. Андреев Л. Рассказ о Сергее Петровиче // Собр. соч.: в 10 т. СПб., 1913. Т. 6. С. 72.

Поступила в редакцию 20.08.2010 г.

UDC 1.13.130.3.130.31

INDIVIDUALISM IN RUSSIAN CULTURE OF SILVER AGE

Galina Nikolayevna Kulagina, Kazan University of Culture and Arts, Kazan, Russia, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Management, tourism and Hotel Business Department, e-mail: logical@yandex.ru

This article is devoted to problems of individualism of the beginning of 20th century. The article headlines the non-linear notion “individualism”. The different models of attitude to individualism in the beginning of 20th century are scrutinized; it is highlighted that the sources of post-modern individualism go back to the beginning of 20th century.

Key words: individualism conciliarism; selfishness.